

И.А.Озарнов

Юродивый Христа ради, по прозвищу Колодочник, подвижник слободы Коршуновки, г. Моршанска

Появился этот загадочный человек неожиданно в начале XX века в пригородной слободе г. Моршанска Коршуновке. Откуда пришел сей странник, и кто он, никто не знал. Разве что приходской священник из исповеди, да схимонах Дмитрий (Прокофьев), с которым они держали духовное общение и дружили. Однако для всех было ясно, что Николай не местный. Почему оставился в Коршуновке, — также никто не знал, — видно Бог указал место у храма его небесного покровителя — Николая Чудотворца.

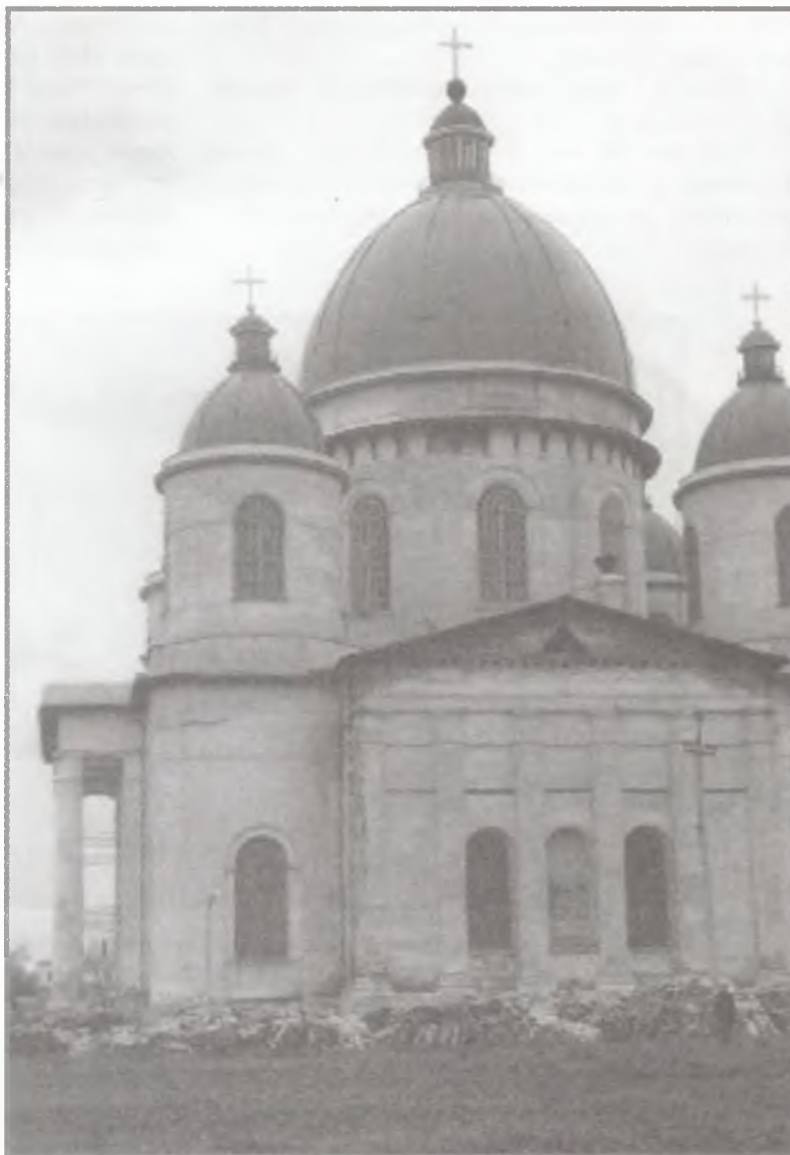
Внимание людей Николай сразу привлек своим необычайным, будто сошедшим с древних икон видом, который почти не изменялся до самой его кончины: богатырского телосложения, осанистый, роста исполинского — под два метра, слегка курчавые русые волосы — ниже плеч, кожа лица белая и черты правильные, скорее благородные, чем мужичьи, борода также русая и пышная. Вначале он ходил в блеклого цвета русской косоворотке, а затем ее сменил длиннющий похожий на подрясник халат грубого сукна на голое тело подпоясанный дровяной лычкой. Поверх него шли, крест на крест металлические в палец толщиной цепи — вериги для утруждения плоти. На шее также на цепи висел большой кипарисовый крест, а через плечо была перекинута котомка со всякой всячиной и святыньками. Голову подвижника покрывала старая мятая скуфья, а в руках неизменно находилась длинная черная нитка четок. Главное — же что больше всего обращало на себя внимание — так это его ноги: к ним цепями прямо по голой коже были примотаны массивные деревянные колодки, за которые он и получил прозвище (иногда его называли Колодник). По величине они были с кухонную разделочную доску, края скруглены, а толщиной сантиметров шесть. На них были выдолблены отпечатки стоп, но неглубокие, а посередине вдоль шла овальная прорезь

в ширину ноги, но не длинная. При ходьбе в них стопа имела опору лишь в пятке и носке. Плюс к тому эти страшные орудия утруждения плоти между собой были также скованы цепью. Шаг от такой «неудобной» обуви был частым, семенящим. Иногда, если на улице была грязь, при входе к кому-нибудь в дом юродивый снимал колодки: ноги от них были стерты в кровь и представляли собой незаживающие язвы, а цепи наоборот отшлифованы о человеческое мясо до блеска. На долгие годы после в Коршуновке при виде человека странной походки или в нелепой обуви говорили: «Как Николай в колодках». Главной же особенностью подвижника были его глаза: синие как небо и просто лучащиеся добротой. Взгляд их был таков, что дурные слова застревали в горле у всякого в его присутствии. В отличие от многих, особенно псевдоюродивых, ему совершенно была чужда какая-либо дурашливость, он никогда не ругался, не грубил, а говорил с людьми своим зычным басовитым голосом спокойно и как-то веско, как бы сожалея об их греховности. От этого его слова были еще убедительнее. Почти всякий диалог он заканчивал фразой: «Так видится, так слышится, так сбудется...» Когда шел, имел обыкновение тихо разговаривать сам с собой.

Прошло некоторое время, и коршуновцы перестали относиться к нему пренебрежительно и насторожено. Когда на ее тихих улочках вдруг возникал приближающийся перезвон, — знали — идет Николай. Свою дружбу и общение он никогда никому не навязывал, — наоборот многие потянулись к нему как к воплощению святости на земле, как к живой святыне. Молитвенник и постник (мясо не вкушал вообще) Николай за праведность жизни получил от Господа сразу несколько даров, главным из которых были прозорливость и данная сила исцелять недуги телесные наложением руки. К речи юродивого Коли стали при-

слушиваться, так как заметили, что многое из сказанного им вдруг неожиданно сбывается. Так как многие считали, что он странствующий юродствующий монах, то и обращались к нему уважительно: «Отец Николай». Хотя годами он явно не подходил для старца – в период революции ему, наверное, не было и тридцати пяти, но как говорится «Благодать от Бога не по летам дается». В последние годы жизни подвижника почти все верующие в Коршуновке, прежде чем делать что-либо серьезное (строиться, сеять, купить чего) спрашивали на это его благословения и молитв. Если Колодочник в этом не отказывал, значит смело можно было приступать к делу. И это никогда никого не обмануло.

И летом и в стужу ходил Николай в одной и той же одежде и в колодках на босу ногу. Ступни от мороза имели ало-красный цвет – как у гуся лапки. Лишь иногда в самые лютые морозы заматывал он их легкими тряпицами – портянками. Борода и волосы в инее, сосульках. Летом ночевал в основном на улице, где-нибудь возле храма, на приходском кладбище или в своем шалашике, где спал на камышовой подстилке. Из вещей там были только кружка, икона, Евангелие и лампадка. Люди приносили ему покушать, и просили помолиться за себя и почивших. Если хозяина внутри не было, – просто оставляли на земле. Иногда Николай неожиданно пропадал и на месяц и на два, видимо путешествуя по окрестным святыням. В городе его также знали, и было немало домов, где подвижника могли с радостью покормить и оставить на ночлег. Но он все равно больше всего любил Коршуновку. Возвращался так же неожиданно как исчезал, зная, что люди, беспокоятся его отсутствием. Его спрашивали, почему долго не приходил, а он неизменно отвечал: «Не было пути, не было благословения». Если начинали выпытывать куда он все таки ходил, отвечал: «Где был то? Был далеко – далече...» И тут же спрашивал: «А ты мой голос слышала?»

Троицкий собор. Моршанск.
Фото 2005 г.

- ???

- А-а-а ... А я то твой голос слышал, - скажет, а потом напомним какую-нибудь фразу из бывшего без него разговора. Дивились люди: «Чудный сей отец Николай, ничто от него не утаится, не скроется...»

Нередко по целой ночи Николай проводил в молитве, стоя на коленях лицом на восток на Коршуновском лугу, где неподалеку от церкви находился небольшой погост. Встанут, бывало, слободчане на рассвете, пойдут через луг на базар по хозяйственным нуждам или погонят пастись скотину, а юродивый стоит на коленях обернувшись лицом к Востоку или на Свято-Троицкий Собор и молится, беседует с кем-то.

Вопросы задает, и сам же другим голосом отвечает. Дивятся люди:

— Отец Николай, с кем разговариваешь, никого же вокруг нет?

— Да как же вы не видите — с Ангелами Божиими, с упокойниками, — и начинает перечислять имена почивших слободчан с кем он сегодня общался.

Ананиных, Казиных... Здесь ему всегда были рады. Некоторые из них являлись крепкими и по крестьянски зажиточными. Тем не менее, никто не боялся оставлять юродивого одного в доме знали, отец Николай ничего не возьмет, не сломает. Будет стоять на коленях и молиться, поспит где скажут, покушает постного, что дадут, а когда захочет сам уйдет.

Вид на Моршанск и Коршуновку с высоты Троицкого собора.
Фото 2005 г.

Когда из церкви выносили мертвых, обычно стоял на ступенях паперти и, смотря вслед, время от времени говорил: «Ангелы, Ангелы рядом с ним, а вон бес притаился». Если человек был нечестивым или имел какие-нибудь тайные тяжкие грехи и пороки, изрекал: «Одни бесы, одни бесы у тела», и шел прочь.

Покормить и, более того, оставить юродивого в доме на ночлег считалось для верующих большой честью, данной только тем, кого Колодочник выделял и любил за праведную жизнь.

Идя по слободе, Николай мог неожиданно упасть на колени и начать молиться. А перед слободской часовней Николы Мокрого проводил до нескольких часов. Бывало, люди несправедливые досаждали ему, суя мелочь с предложением покормить. Таким он неизменно отвечал: «Сердце у тебя холодное», и шел дальше. Тем, кого любил и уважал, говорил: «Подожди, подожди, потом зайду, тебе самому некогда». И заходил действительно, но какое-то время спустя.

В коршуновке любимыми его друзьями и почитателями были семьи Прокофьевых, Юриных,

Местный богатей Петр Гаврилович Любимов, если юродивый заходил к нему, даже, невзирая на грязные от осенней слякоти ноги, проводил через весь дом и сажал в красный угол под иконы. Так почитал как святого и любил.

Однажды Николай неожиданно сказал ему:

— Под конец жизни ты, Петро, будешь как на пчельнике, в улье сидеть. Подходя же к его дочери Нюре (1902 г.р. — сестре Платониды Петровны Прокофьевой — снохи схимонаха Дмитрия), иногда хватал ее, обнимал и показно громко и невесело смеялся своим зычным голосом: ха-ха-ха-ха. Иногда к этому прибавлял: «Черный мужик и белая женщина так не живут».

Девочка побаивалась Колодочника, хотя не было никогда случая, чтобы он обидел какого либо ребенка. Боялись его многие детишки за необычный вид.

Петр Гаврилович занимался продажей скотины и кож и очень разбогател, стал важным. Ночами любил пересчитывать золотые николаевские десятки, раскладывая их на столе столбиками. Однажды у него во дворе дома произошло жуткое

и необъяснимое явление. Утром домочадцы встали и увидели леденящую душу картину: стоящим на земле огромным чаном для замачивания шкур лежала придавленная за ноги хозяйская корова, а внутри плавала мертвая лошадь. Любимовы решили, что это колдовство, так как поднять чан с раствором можно было только большим количеством людей, а никакого шума и лая охранявших дом собак, никто не слышал. Тем более, как забросили вверх лошадь, также было необъяснимо.

Петр Гаврилович, поразмыслив, позвал снять порчу известного колдуна из татар, во множестве бродивших тогда по селам и скупавшим скотину. Тот пошаманил дня три и попросил 25 рублей за услугу. Любимов сказал, что хватит и красненькой, и сунул десятку.

— Эх, Петр, был ты мне друг, а будешь не вдруг, — сказал колдун, развернулся и пошел. Только синяя дымка на мгновение как бы зависла в воздухе.

Через некоторое время Петр неожиданно сильно занемог, и его парализовало, да так, что пальцем пошевелить не мог. Три года до конца своих дней он сидел, крестообразно сложив руки, и внутренне молился за свой грех — обращение не к священнику, а колдуну, предпочтение Божией благодати — чародейству. Если надо было кого-нибудь позвать, хотел поесть или согнать с лица муху, то мог издавать лишь звуки, похожие на пчелиное жужжание...

По смерти родные видели его во сне в золоченой ризе, идущим среди облаков, — наверное, Господь принял, покаянием и страданием грех был искуплен. Так исполнилось первое предсказание прозорливца.

Проклятие, положенное на семью колдуном, спустя годы ярко проявилось и на дочери Петра Гавриловича Анне.

Росла она хорошенькой, светловолосой, любознательной. Живой, верующей и доброй. Когда Колодочник стал при ее виде изображать смех, ей было лет десять от роду. В 1927 году она вышла замуж за Ивана Егоровича Шамоного, так же уроженца Коршуновки. Родили четверых детей — девочек (мальчик и еще двое у них умерли). Муж по внешности был полной противоположностью ей: смуглый, волосы жуково-черные. Жили в любви и согласии.

Неожиданно у молодой женщины стали наступать приступы сильной головной боли, боязнь оставаться одной дома.

В то время в Моршанске жил некий иеромонах Мефодий, обладающий от Бога благодатью изгнания бесов из одержимых людей, которые стали духовно больными в результате попуще-

ния Божия. В народе это называлось «порча». В результате ритуальных колдовских действий ли, проклятия ли, или иных причин, человек оказывался, по попущению Божию, духовно больным, подверженным прямому воздействию (вселению в человека) падших ангелов. Батюшка взялся избавить Анну от порчи, и ему за полгода почти удалось это (оставалось лишь легкое головокружение), но неожиданно по навету его арестовали...

Мужа Анны Ивана Егоровича в 1941 мобилизовали на войну, и более его никто не видел, — пропал без вести. Сбылось еще одно предсказание Колодочника.

Постепенно головные боли у Анны Петровны все увеличивались. Медики ей были помочь не в силах. В конце каждого месяца стали наступать приступы, доходящие до безумства, она стал впадать в беспамятство. То ей хотелось плясать, то хлестать себя, обгорала от печи так, что мясо отваливалось от кости, падала и разбивалась. Но самое главное, что было открыто для всех — ее беспричинный смех. Бывало временами сидит на лавочке у дома и взахлеб смеется. Над чем угодно.

Когда приступов не было — это была терпеливая, волевая, трудолюбивая (в одиночку лопатой перекапывала огород в 40 соток) и очень верующая женщина, опора и кормилица своих детей. И продолжалась болезнь до самой ее смерти 9 февраля 1991 года. За много-много лет провидел все это юродивый Николай.

Жила в Соловьевке на Новой улице семья Исаевых, или по-уличному Рябухиных. Хозяйка дома Евдокия Дмитриевна была уроженкой Коршуновки из семьи Юриных. Посему и дети проводили у ее родителей много времени. К ним в дом нередко заходил и юродивый Николай, которому всегда были рады.

Когда дочке Евдокии Елене (1906 г.р.) исполнилось лет 15, Колодочник подошел к ней и пронзительно посмотрев своими синими глазами, сказал: «Ты вековая вдовица», и как всегда тихо с расстановкой и нараспев прибавил: «Да... да... так видится, так слышится, так сбудется». С тех пор он часто при встречах повторял это. Именно необычностью и даже некоторой своей нелепостью и врезались слова в память девочки.

Минули годы. Елена в 1927 году вышла замуж за уроженца Коршуновки Василия Рогожина. Жили счастливо, ничто не предвещало беды. Один за другим в семье родились пятеро детей. Пророчество как-то позабылось, затерявшись в недрах памяти. Вспомнилось оно, когда случилось непоправимое. Неожиданно 3 ноября 1941 года от приступа сердца на 39 году жизни Василий Яковлевич скончался.

ся. Елена более замуж не выходила и вот уже 59 лет (2000 год) живет «вековой вдовой», как и предсказал прозорливец.

Юродивый Николай очень дружил с другим ярким подвижником слободы схимонахом, в тайном постриге, Дмитрием Прокофьевым: часто заходил к нему (Д.И. любил делить с Николаем стол), беседовал на духовные темы. Дмитрия Ивановича Колодочник любил и считал истинным рабом Божиим. Когда в 1916 году подвижник отошел ко Господу, Николай горячо оплакивал кончину, а к могилке у храма относился как к святыне, молился на ней.

За некоторое время до революции 1917 г. Колодочник, провидя трагедию, стал пророчествовать о ней, заставляя людей задуматься. Многие содрогались от его слов. Одной женщине из села Карели он не только изложил всю будущую ее жизнь, но и прямо сказал: «А ты знаешь, царь Николай не будет царствовать, уйдет с престола».

Так же имея в виду царя, жизнь в законном браке и в лоне Церкви говорил Коршуновским жителям: «Скоро Отца не будет, семьи не будет, пастуха не будет, пойдут войны, войны страшные, войны не русские». И как бы от имени Господа прибавлял: «Будете гонимы за имя Мое, в темнице будете... Так видится, так слышится, так сбудется».

Видимо, Господь уже тогда открыл все подвижнику и подвиг его готовить к испытаниям людей.

К пророчествам прислушивались, пересказывали друг другу, только до времени не знали к чему их применить. Поняли лишь потом, когда круговерть жизни покатила так стремительно, что царь отрекся, и не стало у народа отца, брат пошел на брата, безбожники перевели в земле Русской священство, и некому стало пасти стадо Христово, многие подобно Иуде и предали Господа, а верные чада пошли на крест и в темницу.

Влукавые, окаянные дни революций Колодочник подпоясался красным кушаком, приделал к старенькой своей скуфейке красный лоскут и, двигая свои тяжелые колодки по мерзлой Коршуновской грязи, кричал: «Свобода! Свобода!» и громы хал цепями. Кричал и плакал навзрыд. Потом и вовсе покрыл голову красной косынкой, которую, юродствуя, некоторое время носил.

Предвидя страшные дни коллективизации и грядущую Отечественную войну, говорил сидящим на лавочках перед домами женщинам: «Бабы волосы чешите — вшей не бейте, — солнце красное восходит, — в каждом доме много слез будет. Мясо не ешьте, — детей рожайте. От постной пищи дети бывают...»

И возшло «солнце красное», полились слезы людские, когда «власть народная» отбирала нажитое потом и кровавыми мозолями, выселяла на улицу из домов, когда погнали на Урал и Соловки семьи заслуженных Коршуновцев. Мясо и так стало на столе редкостью, — отобрали у всех скотину и перевели в колхозном стаде. Тем не менее, в эти страшные годы произошел сильный всплеск рождаемости. Рождались в основном мальчики, чтобы затем сгинуть в пучине «войн нерусских», т.е. лишенных русского духа, направленных против русского человека...

Юродивый Николай очень любил животных, всячески отговаривал от любого неоправданного убийства, будь то котенка или щенка, считая, что всякая тварь Божия имеет одинаковое право на жизнь, защищал их.

Людам говорил: «Жалейте Божье творение, любите, кормите, поите. — наказаны будете».

Когда после октябрьской революции в Коршуновке создали колхоз (коммуну), то у людей некоторое время ежедневно силой стали отбирать всю скотину и сгонять в него (в каждом дворе тогда имелось несколько коров, овцы, лошадь и т.д. Живности было так много, что в небольшой слободе ее делили на два стада, одно из которых вброд через Цну перегоняли на другой берег).

И тогда слободчане стали массово резать буренок-кормилиц, лошадей, овец. Резали помногу и ежедневно, а в правлении говорили, что животное неизлечимо заболело, пало, взбесилось или покалечилось, и его пришлось убить, и предъявляли голову.

Видя это, Колодочник горько плакал и постоянно всем говорил: «Жалейте творение Божие, жалейте, — наказаны будете». Говорил как колхозным, так и единоличным крестьянам.

Многие поняли правоту его слов очень быстро, когда скотины почти не осталось на подворьях, и в колхозе пала по недосмотру или пустили под нож. В результате молока в слободе и для грудных детей сыскать трудов стоило. Единоличников же стали еще и судить за вредительство и саботаж.

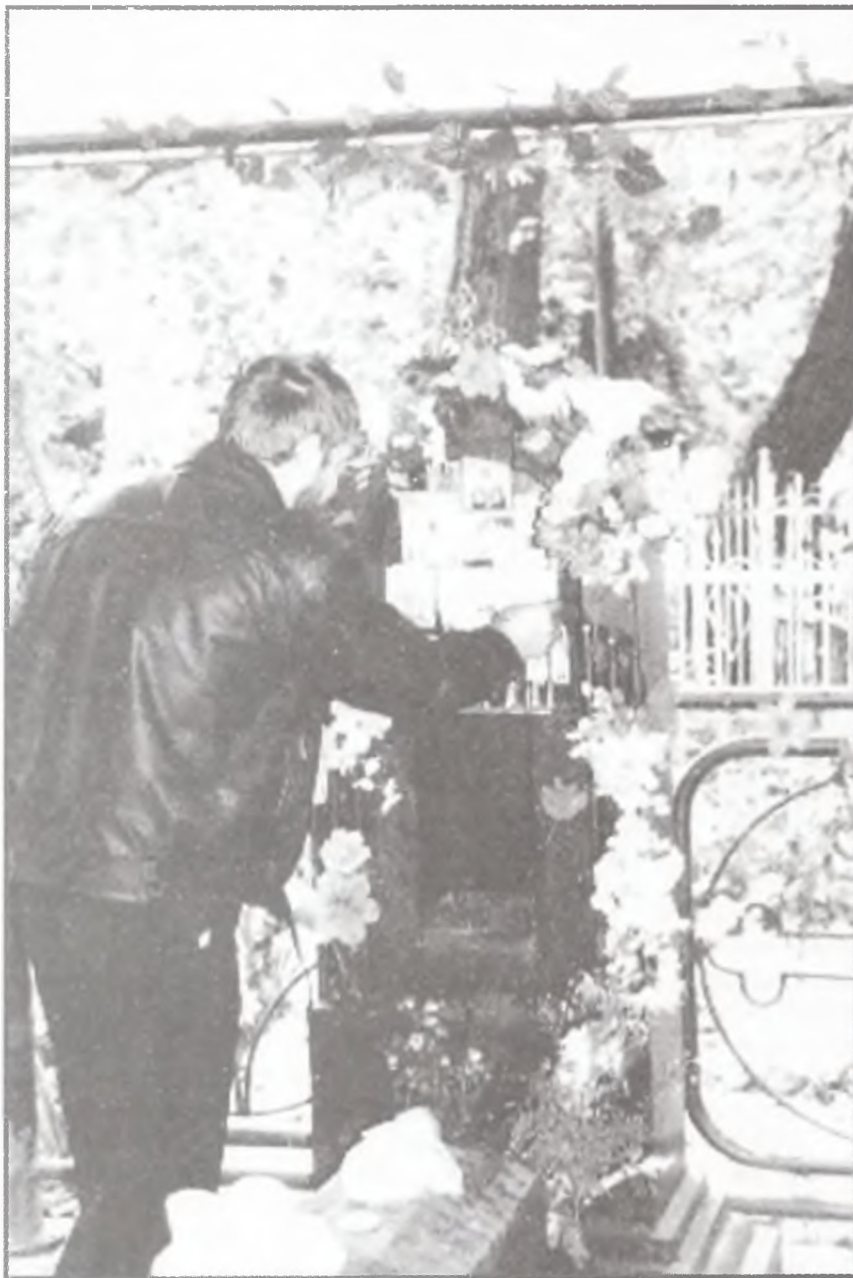
Последние годы жизни Николай всегда ходил в сопровождении белой собачки с желтоватыми подпалинами. Песик был такой же добрый, как и сам Колодочник, никогда ни на кого не лаял и уж тем более не кусал. Следовал за ним неотлучно. Когда юродивый молился, верно сидел рядом и как бы слушал псалмы и молитвы, когда прозорливец спал на лугу, охраняя покой, лежал возле. Колодочник любил повторять показывая на него: «Жалейте, любите, кормите творение Божие — оно первый друг».

Однажды юродивый Николай зашел во двор к Юриным. У тех была дворняжка пестрой масти – Орелка – радостно его приветствовавшая. Она недавно ошетилилась. Щенят – в количестве 6 штук – дядя Елены Исаевой (Рогожиной) Василий Дмитриевич взял и потопил в ведре, а трупки зарыл в канаве в Козлихином переулке. Мокрое ведро все еще стояло, а Василий по-хозяйски хлопотал во дворе.

Николай ничего этого не видел. Зайдя, он склонился над ведром и вдруг заплакал, приговаривая: «Как плохо – Божью тварь, Божие творение – убил на свою голову». Затем крестообразно сложил на груди руки, закрыл глаза и изрекши: «Трудись, трудись, трудись», — развернулся и, утирая слезы, пошел вон со двора.

Вскоре осенью 1926 года у Василия Дмитриевича на указательном пальце неожиданно лопнула жилка. От этого в сущности пустяка видимо пошло заражение, сильная опухоль. Через три дня 9 октября молодой 34 летний крестьянин скончался. От паралича сердца, как сказали врачи ...

В смутные двадцатые, когда пошатнулись вековые нравственные устои, когда никто не был уверен в завтрашнем дне, люди часто спрашивали Колодочника, какая дальше будет жизнь. Это он нередко, как и все юродивые, пророчески показывал на себе. Зайдет на женскую купальню на Цне (мужчины и женщины мылись тогда на разных пляжах) и делает вид, что сквозь горловину хочет спустить с плеч халат и одновременно пытается обнять кого-нибудь из девушек. Те от него с визгом врассыпную, а он: «Так будет, так будет. Так видится, так слышится, так сбудется!»

Автор публикации у могилы другого моршанского блаженного

Юродивый Николай дружил с прозорливым коршуновским старцем Василием Ананиным, которого почитал истинным Рабом Божиим и уважал. В слободе он нередко заходил в дом к одинокой набожной женщине Аграфене Никитичне Ананиной (1846 – 1929г.), сестре подвижника. Та всегда его приветливо встречала, кормила. С некоторых пор Колодочник, прежде чем сесть за стол, стал расстегивать верхние пуговицы халата и делать вид, что хочет раздеться. Аграфена смущалась: «Ты что, отец Николай, как можно».

— Так скоро будет, так скоро будет, люди совсем стыд потеряют. Так видится, так слышится, так сбывается.

«В скором времени будет так, что сын не почтет не мать, не отца», — говорил провидец. Действительно, прошло совсем мало лет и получилось так, что дети доносили на родителей, рушили храмы и хулили Бога, невзирая на слезы матерей, а уж об уважении к старикам у безбожных людей и говорить нечего.

Однажды, на докучливые вопросы о будущей жизни, Колодочник ответил прямо: «Пить будем, и падать будем», — и утвердил все это своей любимой фразой.

Многие тогда не воспринимали это всерьез, думали, что он шутит. Моральные и нравственные устои были еще сильны, а пили люди лишь по праздникам, и если кто напивался до лежачего состояния, — это было из ряда вон выходящий случай. Время само подтвердило правоту его слов...

Предвидя свою кончину, Николай наказывал людям беречь веру православную, любить друг друга, не отходить от Божьих заповедей, не обижать братьев наших меньших и быть всегда готовыми пойти за веру на крест по стопам Христовым. Говорят, он иносказательно указал и дом, где отойдет ко Господу, и срок, когда это случится.

Однажды он зашел во двор к жителю Коршуновки Федору Алексеевичу Минину. Тот хлопотал по хозяйству. Неожиданно Колодочник изрек: «Чтой-то мне мочи нет, ко Господу, наверное, пора».

Федор Алексеевич, думая, что он шутит, решил развить тему:

— Да не волнуйся, отец Николай, мы тебя похороним, и похороним с великой славой.

Юродивый внимательно посмотрел на него и изрек: «А ты меня, Федор, хоронить не будешь. Ты будешь сучья на пшено собирать», — и задумчиво добавил: «Да... да... Так видится... так сбывается».

Понятны эти провидческие слова Минину стали лишь по смерти подвижника. В дни усения и похорон юродивого его, действительно, не было в селе. Он, вкуче с другими мужчинами, находился в лесу у Первой Ракши, в местечке Пшенок, заготавливая импровизированной бригадой, кончики сосновых лап, которые Заготконтора принимала у голодного обираемого крестьянства, обменивая на продукты, в том числе и пшено.

Скончался великий подвижник и прозорливец Николай по прозвищу Колодочник приблизительно в 1928 году, осенью.

В местечке Черный Яр, на берегу Цны, самым последним по улице стоял каменный дом.

Половину его занимала семья Дарьи Васильевны (сестры мирской жены схимонаха Дмитрия Прокофьева) и Василия Никитовича Казиных. Колодочник время от времени навещал их. Пришел и в этот раз. Хозяева как всегда оставили его, и пошли по своим делам. Вернулись через некоторое время, а отец Николай лежит на лежанке русской печи. Стали будить, — а он уже отошел. Тут и вспомнили слова, произнесенные им перед уходом: «Ступайте, наверное, уже сегодня не увидимся». Не придали этому значения, думали, отдохнет и пойдет дальше, как всегда. Еще раньше он говорил, что умрет в доме на самом краю...

На похороны юродивого Христа ради Николая, по прозвищу Колодочник, собралась огромная масса людей. Пришли все те, кто его любил и почитал, кому он помог советом, исцелил (были и такие), оградил от несчастий.

Гроб, в сопровождении большого числа духовенства, несли особо благочестивые люди. Такого массового шествия Коршуновка, наверное, еще не видела. Процессия растянулась от Черного Яра и до храма Николая Чудотворца, где его отпевали (около 1 километра пути). Маленькая слободская церковь и ее площадь не смогли вместить и десятой части собравшихся...

* * *

По кончине подвижника местные комсомольцы и безбожные учителя школы открыли преследование на его Память. Не смеявшие трогать Николая при жизни (так как боялись и обличений и быть побитыми местными жителями, которые без сомнения заступились бы за него, Колодочник же их оплакивал, как людей пребывающих в плену бесовской прелести), они, пользуясь тем, что народ становился все более запуганным, стали позорить почившего юродивого, осмеивать его образ жизни, чудеса, предсказания и людей, посещавших его могилку. «Будете гонимы за имя мое», — говорил Колодочник и как всегда, оказался прав.

Цель была достигнута. Могилка стерлась с лица земли. Тем не менее, как рукописи не горят, так и святыни не канут в лету. При жизни коршуновская подвижница монахиня Дорофея, (Дарья Александровна Комарова), знавшая Николая, указала место у куста сирени на Коршуновском кладбище, где его схоронили. Ныне там стоит старый крест, ранее бывший на могиле схимонаха Дмитрия Прокофьева. В ближайшее время намечается обустроить место погребения достойным образом.